

ской организации, которое мы видим во Втором Болгарском царстве после почти двухвекового византийского владычества» (с. 130)².

В области культурного развития автор отмечает, что, хотя Болгария стала провинцией византийского мира, восприняв византийские христианские традиции, она, однако, сохраняла и развивала свои самобытные черты.

В краткой заключительной главе Браунинг формулирует четыре основных различия между болгарским и византийским обществом: 1) византийское общество автор называет «тоталитарным» в том смысле, что существовало непосредственное подчинение каждой личности императорской власти, тогда как в Болгарии принадлежность к общине, племени зачастую являлась для личности более важной, чем подданство царю; 2) византийцы сознавали свою «уникальность» в мире, болгарин же считал себя принадлежащим не только к болгарскому народу, но и частью огромного славянского мира; 3) в Византийской империи земля была объектом купли-продажи, в Болгарии в IX—X вв. общинная земля не могла на законном основании переходить из рук в руки, что придавало более патриархальный характер всем общественным отношениям; 4) отсутствие денежных отношений в Болгарии обуславливало значительно меньшую социальную мобильность общества по сравнению с Византией (с. 195—197).

Эти коренные различия в жизни болгарского и византийского общества, по мнению Браунинга, сделали невозможным для Болгарии принятие византийской модели развития. В период правления Бориса и Симеона сложился образ жизни, хотя и заимствованный частично у Византии, но самостоятельный по существу. Он и стал основой возникновения народного самосознания, послужившего главным препятствием для поглощения Болгарии византийской цивилизацией.

О. Иванова

Г. А. Меликишвили. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973, 167 с.

Написанная по-грузински и (в сокращенном варианте) по-русски¹, книга Г. А. Меликишвили привлекает логической стройностью: несмотря на скудость — по меркам медиевиста — доступных источников, автору удалось нарисовать внутренне непротиворечивую и убедительную картину, связав становление единого Грузинского государства в XI—XII вв. с локальными особенностями развития здесь феодальных отношений. Меликишвили выделяет в пределах Грузии два основных региона, отличавшихся темпами социально-экономического развития. Картли (Иберия, Восточная Грузия) и Тао-Кларджети уже в позднеантичное время опережали Кахетию, Лазское царство и Авастию (Абхазию), и в дальнейшем процесс феодализации пошел там быстрее. В IX—X вв. в Картли и Тао-Кларджети господствовали азнауры — феодальные сеньоры, сложилась иерархическая структура собственности и вассалитет, а монарх был «первым среди равных» (с. 145). Напротив, в Кахетии и Абхазии сохранялись массы свободных общинников, особенно среди горцев, и феодальное землевладение не стало господствующим. Эти воины-земледельцы, а также мелкие феодалы и торгово-ремесленное население городов составляли опору царской власти в ее борьбе против независимости картлийских и таосских азнауров (с. 148—150).

Исходя из этого Меликишвили выступает против традиционного представления о Тао-Кларджети как центре и двигателе объединения Грузии. Инициатором объ-

² Утверждение автора, что политическая система Второго Болгарского царства была точной копией византийской системы, без специального анализа источников кажется сомнительным.

¹ В русском варианте, в частности, отсутствует изложение третьей главы, опубликованное по-русски отдельно: *Меликишвили Г. А. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье.* — В кн.: IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 14.

единения были правящие круги более монолитного Абхазского царства, поддерживавшие Баграта III, тогда как азнауры Картли и Тао, опираясь на помощь Византии, всячески препятствовали объединению. Такая концепция позволяет автору дать новое истолкование грузино-византийских отношений при Давиде Куропалате и Василии II: хотя первоначально Давид предполагал сделать Баграта III, царя Абхазии, своим наследником, в дальнейшем он передал Тао Византии, — по всей видимости, под давлением азнауров, недовольных политической линией «абхазского царя», стремившегося подчинить Картли абхазской администрации (с. 136—138). В XI в. западногрузинская (абхазская) знать, как правило, поддерживает царя, тогда как действующий в тесной связи с Византией противник централизации Грузии Липарит Багваши становится правителем Картлийского и Месхетского княжеств (с. 147).

С конца XI в. тенденции к централизации в Грузии явно берут верх над сепаратистским (партикуляристским) устремлением феодальных синьоров. Меликишвили связывает это с усилением военно-паразитических начал в условиях постоянной военной борьбы, наступления на соседние мусульманские страны, притока добычи, дани, пленных, превращения войска (особенно наемных — осетинских и половецких — отрядов) в самостоятельную силу. «Подобная ситуация как будто должна была способствовать централизации внутри государства, переходу страны на рельсы если не азиатского, то во всяком случае византийского феодализма, для которых характерно наличие привилегированного класса в основном в виде военно-служилой аристократии, сохранение основной массой народа статуса юридически свободных людей и т. д.» (с. 153). Однако централизация оказалась в Грузии недолговечной: развитой институт частной собственности, давние традиции индивидуального хозяйства, а также наличие множества замкнутых территориально-племенных объединений определили ход феодального развития Грузии по западноевропейскому пути.

В свете такой расстановки сил Меликишвили интерпретирует борьбу вокруг супруга царицы Тамары Юрия, сына Андрея Боголюбского, изгнанного в 1187—88 г. Воспитанный на Руси, Юрий Андреевич выступил против того засилья феодальной знати, которое утвердилось при дворе Тамары. На стороне Юрия оказалась преимущественно Западная Грузия, область менее интенсивной феодализации, тогда как Тамару поддерживали феодалы Восточной Грузии и Северной Армении, а также половецкие отряды. Поражение Юрия знаменовало по сути дела неудачу централистских тенденций — сеньоры-«дидебулы» стали превращаться в суверенных князей (с. 155—158).

Монолитность Абхазского царства явилась основным фактором, обеспечившим объединение феодальной Грузии в XI—XII вв. А это в свою очередь «обусловило довольно раннее образование в Грузии крупной народности, вобравшей в себя все стоящие близко друг к другу этнические группы»². Грузинская народность не потеряла своего единства даже в условиях общего партикуляризма, восторжествовавшего в XIII в.

А. К.

J. Darrouzès, Deux lettres inédites de Photius aux Arméniens. — REB, XXIX, 1971, p. 137—181

С середины IX в. Византийская империя заметно активизировала свою политику в Армении, находившейся еще под арабским владычеством. Отражением этого явилась, в частности, переписка, которую вел с армянами патриарх Фотий (858—867 и 877—886). Фотий понимал, каким препятствием для осуществления византийских планов в Армении являлся конфессиональный партикуляризм армян, и предпринимал настойчивые попытки привести армян в лоно имперской церкви. Переписка велась вокруг основного вопроса, который разделял армян и ромеев, — отношения к Халкидонскому собору и соответственно признания у Христа одной или двух природ.

² Меликишвили Г. А. Указ. соч., с. 11.